

ГРИГОРИЙ СПИЧАК



НА РОЖДЕСТВО

РАССКАЗ

Рождество. Маленький деревянный храм в посёлке, прилепившемся к довольно большому городу. Когда-то это был посёлок лесников, теперь “узкие специалисты” его называют маргинальным. Ночь, как с картинки, — мягкий снег валит густо, морозца почти нет. Тепло, бело и сказочно.

Народ в храме почти весь свой, знакомый друг другу. Но всё-таки есть немало и совсем неизвестных лиц. Батюшки исповедуют, идёт вечерняя служба. Дело к полуночи... В храм заваливает куча народу. Довольно деликатно заваливает, не шумно, как это бывало тогда, когда храмы только открывались, но всё равно создают у входа суету. Особенно цыгане, пришедшие, видимо, целыми семьями и кланами. Но молодцы: ведут себя хоть и бестолково, но с благоговением, считают очень важным “поставить свечечку”, протолкаться до распятия и до амвона, а потом так же, с благоговейными лицами, откурлесить и отмять ровный строй прихожан на пути обратно к двери. Пара накрашенных девиц и пара странноватых местных тётенок, тоже накрашенных, “ставят свечечку” не менее активно, чем цыгане. И вот уходят. Почти все цыгане и накрашенные тётки.

В дверях появляется высокий и симпатичный молодой мужчина. Если сказать, что он пьяный, — это почти ничего не сказать: в дугу! Но в нём есть главное — в нём есть понимание, что он “в дугу”. И потому он старается быть “незаметным” и тихим. Крестится он, когда все крестятся, но ру-

СПИЧАК Григорий Иванович родился в посёлке Железнодорожный Княжпогостского района в 1960 году. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких книг стихов и прозы, романа “Цитала. Украденный посох”. Публиковался в журналах “Север”, “Наш современник”, “Колокол” (Великобритания). Произведения переводились на коми, венгерский, польский языки. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

ки выписывают какую-то “арабскую вязь” вокруг лица и тела, что-то среднее между буквой У и Z... Неважно. Он тихо пытается даже подпевать. Но пьяного ума хватает, чтоб опять же определиться: кроме “Господи помилуй”, других слов не получается... Ладно. Теперь он начинает кланяться... Ага. Вокруг него всё больше пространства, потому что при каждом поклоне его швыряет не по “фарватеру”... Потом прямо во время Херувимской песни в кармане у высокого пьяного красавца запел телефон. Какую-то грустную песенку французского шансона... Казалось, что к пению клироса вот-вот присоединится Шарль Азнавур. Наш богомолец через несколько секунд догадывается, что это его телефон звонит. Потом ещё через несколько — что звонит вот тут, в левом кармане, потом ещё секунды на вытаскивание и ещё пару-тройку секунд на то, чтоб определиться: отвечать или не отвечать? Не отвечать. А ещё лучше выключить на хрен этот дурацкий телефон и перекреститься. Ага. С поклоном. В общем, мама дорогая... Поклонился по полной. Чувствую, что он сейчас упадёт. Подвигаюсь к нему, дёргаю за рукав, на ухо тихо говорю: “Упадёшь ведь... Ты молодец, но давай завтра на службу придёшь, а? Завтра тоже служба будет...” Он смотрит на меня красными-красными уставшими глазами, прикладывает палец к губам — тсс... “Мне надо!” Отворачивается. Крестится широким рисунком Андреевского флага и опять кланяется. Ну, ёлки-палки! Господи помилуй!

А служба идёт. А мир и приход радуется Рождению Христа. Радуется тихими улыбками, потому что видно уже, что накрывает усталость детей. И они клонят головки к маминым и бабушкиным подолом. Вот уже и присаживаться ищут те, кто постарше или кого ноги не держат. Служба идёт... Вот вынесли Чашу... Вот запели Символ Веры. И богомолец, который так пьян, поёт уже более складно. Частями. Видно, что прислушивается, а Символа Веры ещё путём не знает... И стоит уже столбиком, уже поклоны ровные. И даже что-то невидимое как-то тянет его к алтарю. И он всё ближе к амвону, всё ближе. Перед причастием шевеление в зале. Перестраиваются, складывают руки на груди, мужчины вперёд... Высокий человек тоже складывает руки. Дядька рядом со мной говорит ему: “Тебе нельзя...” В глазах Высокого восклицательный знак! И вопросительный вдогонку... “Ты ж выпимши... И не исповедался. Надо ж перед причастием поститься. Даже не есть ничего. Тебя не допустит батюшка...” Высокий понимает, что не его нынче Чаша, и с грустью отходит в сторонку.

Я прохожу мимо него: “Ты причаститься тоже хочешь? Подойди к батюшке — он расскажет тебе, как правильно подготовиться...” “А к кому? Кто тут старший?” — спрашивает Высокий, а я с удивлением вижу, что он уже трезв. Службу как часовой отстоял, и трезв! “Вон тот пожилой — отец Игнатий. Но можно и с любым батюшкой поговорить”. Мы причащаемся... Отец Игнатий говорит проповедь. Высокий трезвый мужчина стоит, возвышаясь над приходом, и видно — это видно! — радуется со всеми и за всех. И идёт к Кресту целовать его в конце службы... А тут отец Игнатий ещё и подарки всем приготовил — иконки-магнитики “Святое семейство”.

...Уже на улице я подхожу к Высокому и говорю: “Молодец. Как выдержал? Я удивлён просто по-настоящему...” Он тихо улыбается. “А так надо... — Тебя как зовут? Меня Григорий. Ты откуда? Где трудиться? Просто не видел тебя никогда...” — “Саша, — жмёт он мне руку, — Александр...”

Мы обмениваемся телефонами. Хочется мне с этим человеком как-нибудь встретиться и поговорить. Глаза у него ясные. Он военнослужащим оказался. Сапёр. Службу стоять умеет.